

СОЛОВЬЁВ Сергей Леонидович

СМЕРТНЫЙ ГРЕХ КАК ПРЕДЕЛЬНЫЙ МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЙ РЕГУЛЯТИВ



Аннотация

Настоящая статья является измененной для печати версией доклада на конференции, посвященной предельным вопросам, смерти как творчеству. Автор делает попытку рассмотреть понятие смертный грех вне богословского контекста, обосновать важность этого понятия в современной системе морально-нравственных координат.

Ключевые слова: смертный грех, душа, дух, сознание, духовные угрозы.

Причины, побудившие автора обратиться к данной теме: личный жизненный опыт, личный мистический опыт, профессиональный опыт, фрустрация в результате столкновения с непознаваемым.

Вообще, грех, по одной из трактовок, означает нахождение вне предписанной Богом для жизни человека области. Говоря о смертном грехе, мы имеем в виду условия, приводящие в посмертии ко «второй смерти», то есть гибели души. Душа теряет способность быть соединенной с Богом, что, с точки зрения православия, лишает ее возможности спастись. Говорить о смертном грехе удобнее в динамических категориях, как об упорстве в осознанном пребывании в таких состояниях, которые отвергают Божью волю к спасению человека. Таким образом, первой смертью будет отделение души от тела, а второй – разрыв связи души с Богом. Душа, вследствие этого, остается одинокой (неприкаянной) и

не может облечься новым телом посмертия. Дальнейшая судьба такой души в богословском дискурсе трактуется неоднозначно; этот вопрос является предметом отдельной серьезной дискуссии и выходит за рамки нашего рассмотрения.

Источниками представлений о смертном грехе служат:

1. Мистический опыт, включая окологреховный опыт. Тут мы наблюдаем относительное единодушие исследователей, во всяком случае, в ценностно-смысловом аспекте этого опыта. Подчеркивается исключительная важность подобного опыта, причем вне зависимости от традиционно-культурного контекста.

2. Мифы и предания. В авраамических традициях описывается «первичная ситуация» грехопадения человека, что делает невозможным его самостоятельное спасение (без Божьей помощи). Протестантизм идет еще дальше, утверждая, что от человеческих усилий в следовании заповедям тоже мало что зависит, а

© С. Л. Соловьёв, 2014

спасение определяется только желанием (волей) Бога его спасти. Отсюда главные усилия протестантов направлены на установление личных, диалогических отношений со Христом.

3. Философские изыскания. В Древности (и еще до сравнительно недавнего времени), философия и богословие были тесно связаны между собой, подразумевая аксиомы наличия посмертия применительно к человеку. Языки философии и богословия были близки друг другу, что облегчало обсуждение духовных вопросов.

4. Житейская мудрость (жизненный опыт). Все знают, как правильно жить. Некоторые даже знают, как «правильно» умирать (по выражению автора, «в каком направлении» умирать). Каждая культурная традиция рекомендует достаточно схожий «арсенал» средств, чтобы в посмертии душа оказалась в наиболее благоприятном для нее «месте».

5. Научные воззрения. Успехи в изучении физиологии, биохимии, психологии человека не приблизили нас к пониманию его свойств в смысле субъектности, а в некотором смысле отдалили и затруднили это понимание. К сожалению, в результате научных попыток объяснить внутренние (психические и духовные) процессы через внешние (физиологические и биохимические), усилилось противопоставление между ними, вместо понимания их глубинных взаимосвязей.

6. Творческая интуиция. Творчество – один из путей познания Истины. Другое дело, что переживания творческого инсайта трудно вербализуемо и еще труднее транслируемо.

7. Нравственно-идеологические императивы. Православный морально-нравственный императив, на наш взгляд, задан предельной оппозицией: на одном «полюсе» – хула на Духа Святого (которая не простится), на другом – следование Воле Божьей, как главный атрибут святости. В разных культурах мы встречаем разные степени редуцирования предельных морально-нравственных императивов на уровне идеологии, общественной и житейской морали.

Приведем перечень (главных) смертных грехов в христианстве (Иоанн Кассиан Римлянин):

Чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордыня. В этом

списке гордыня считается «системообразующим» грехом, лежащий в основании всех остальных.

У католиков нет тщеславия и печали, присутствует зависть, а уныние заменено ленью. У православных отсутствует лень и зависть.

Следует отметить, что мы здесь имеем дело не с фактическими поступками, которые могут быть осуждены законом, а с определенными эмоционально-психическими (душевыми) склонностями человека. Вот эти склонности, будучи вполне осознанными, в дальнейшем обычно и приводят к фактическим греховным поступкам или преступлениям в юридическом смысле. За эти преступления наказывает мирская власть, отсюда расширенный список смертных грехов как тех, за которые полагается смертная казнь.

Еще одна исторически сложившаяся категория смертных грехов – грехи, «вопиющие к небу». К ним относится притеснение вдов, сирот и детей, неуплата заработной платы работникам, прочие виды вопиющей несправедливости; эти грехи преимущественно отсылались к Божьему, а не мирскому суду. Во многом с этими грехами перекликается список «дополнительных», современных смертных грехов, опубликованный Ватиканом в 2008 году:

1. Генная инженерия
2. Проведение экспериментов на людях
3. Загрязнение окружающей среды
4. Вызывание социальной несправедливости
5. Вызывание нищеты
6. Становление непристойно богатым
7. Прием наркотиков

Наличие философского, психологического, социокультурного, богословского, экзистенциального и других дискурсов представлений о смертных грехах позволяет делать вывод об универсальной значимости данной темы.

Попытка обозначения проблемного поля, связанного с понятием смертный грех, наталкивается на ряд трудностей, в том числе:

- неоднозначность языка описания (терминологическая путаница);
- высокая степень неопределенности объекта исследования;
- связь темы смертного греха с мировоззренческими особенностями, а так же про-

блема дуалистичности сознания вообще, с вытекающей отсюда трудностью осознания материального и нематериального мира в их взаимодействии;

– относительно высокая табуированность темы смертного греха, в том числе по социально-политическим мотивам (навязывание жизни в условиях неизбежности совершения смертных грехов).

Трудности выявляют попытки обозначить анатомо-физиологический и духовно-психический субстрат смертного греха, связь смертного греха с сознанием (степенью его осознанности). Здесь можно сослаться на опыт Семинаров по предельным вопросам и холистической лечебной деятельности, на которых постоянно возникали проблемы интерпретации слов «душа», «психика», «дух», «сознание» и т. д. Если принять расширительное представление о человеческой природе и человеческой анатомии, то придется перейти к описательным конструкциям из мировых духовно-эзотерических традиций. Рассматривая смертный грех как предельный (абсолютный) морально-нравственный регулятив, мы должны будем выйти за пределы представлений об устройстве человека в авраамических традициях, не говоря уже о научных парадигмах. Несвободны от устаревших представлений даже такие крупные «провидцы» от научной фантастики, как братья Стругацкие. При описании человека будущего, авторы наделяют его высокими нравственными качествами, но не выходят за рамки устаревшей научно-материалистической парадигмы: у авторов проявление этих качеств – результат «растормозки гипоталамуса», «лечебных» процедур «реморализации» и т. п. Этическая ценность подобных экспериментов сравнима с ценностью эволюционных факторов в романе Ф. Герберта «Дюна» (речь идет о роли употребления «спайса» в эволюции галактического сообщества). В современном мире успехи трансплантологии ставят вопросы об этике пересадки головы (или туловища к голове) человека, с точки зрения сохранности личности (можно читать: души). Подобным же образом обсуждаются вопросы искусственного оплодотворения, абортов, эвтаназии и т. д. Напрашивается вывод о необходимости форсировать изучение «неорганической» анатомии (термин автора) человека.

Представляется уместным провести прямую аналогию между телесными симптомами болезни, которые могут быть восприняты обычными органами чувств, и душевными симптомами, воспринимаемыми их «духовными» аналогами. Как физические сигналы, например, боль, могут быть неспецифичны, так и духовные, например, «укол совести». Тут можно рассуждать об индивидуальной переносимости сигнала, его персональной значимости, степени контроля, так в примере с совестью – от «сделки с совестью» вплоть до «продажи души дьяволу».

Опыты с внушением под гипнозом показывают, что при прочих равных условиях (сохранность психики, отсутствие смысловых и ценностных кризисов, непосредственной угрозы жизни), человек не превосходит меры морально-нравственных запретов, свойственных данной культуре. Но насколько прочна связь культуры и психики? В экстремальных условиях границы морально-этических норм дрейфуют к предельным императивам. Например, если допускается убить ближнего ради пропитания, то все же не причиняя ему лишних мучений. Можно, вероятно, в связи с этим говорить о некоей «точке невозвращения», когда душа по совокупности параметров может считаться погибшей, по мнению стороннего «эксперта».

Законотворчество пытается определить критерии, по которым можно судить о степени «заблудшести» души в первом аспекте греха – как проступка.

Юриспруденция в некоторой мере рефлексировала эти состояния души, вводя понятия заслуженности наказания (вплоть до высшей меры, что тоже можно отнести к предельным регулятивам), отягчающих и смягчающих вину обстоятельств, степени дееспособности и т. д.

Однако в любом случае рассматривается «верхушка айсберга», и, конечно, инстанция Высшего суда остается в ряду предельных вопросов высшей степени. Здесь мы рассматриваем грех (в частности, смертный грех) во втором значении: не как проступок, а как препятствие духовному росту. Кажется уместным провести аналогию с более изученными механизмами психофизической регуляции человека. Например, инстинкт самосохранения обеспечивает сохранение анатомо-био-

логической целостности живого существа, продуцируя ряд психофизических сигналов: боль, напряжение, тревогу, и т. д. Задача инстинкта – сохранение максимально возможного в данных условиях уровня биологической целостности. Необходимо вспомнить о типах и уровнях целостности, если разговор идет о человеке. Имея в виду целостность личности, включающую сомоописание и самооценку, мы можем говорить о системе регуляции, направленной на избегание переживаний вины и стыда. Можно выделить соответствующие регулирующие страхи, в личностном контексте – страх «потерять лицо», а в контексте психической целостности – сойти с ума (утратить связь с реальностью). Духовная аналогия – испытывание страха Божия, что бы под этим ни подразумевалось. Является ли страх Божий духовным посланием и заботой Духа о душе (тут уместно вспомнить о христианском представлении об «умном сердце», воспитываемым Духом), остается открытым вопросом.

Быть человеком предполагает быть обремененным свободой воли и ответственностью за выбранное направление своего развития, в том числе, по выражению М. Хайдеггера, человеку свойственно «заступание в смерть».

Существенный вопрос состоит в том, какова роль осознанности и самоосознания человека в судьбе его души. В определении смертного греха обязательным условием является информированность человека о грехе, и вместе с тем осознанное решение его совершать. Осознание какого-либо онтологического уровня подразумевает в некоторой степени контроль

его проявлений. Так, человек может контролировать некоторые из своих физиологических функций и реакций (высшим контролем здесь будет контроль самого процесса умирания). Люди, обладающие высокой степенью осознанности, управляют своими эмоциями и даже ритмами психической активности и т. д. Духовные традиции обучают своих адептов некоторым психотехникам, позволяющим воспринимать сигналы о душевно – духовных угрозах. При потере этих регулятивов человек теряет иммунитет к соответствующим состояниям и переживаниям, что неизбежно ведет к его духовному распаду. Наличие регулятива в лице смертного греха, между прочим, указывает на относительно большую ценность сохранения души, нежели тела. Опыт показывает, что забота о теле может улучшить качество жизни, и даже увеличить ее длительность, но результатом все равно будет смерть. А вот душу можно сохранить в Вечности, не хватает только достоверной объективации этого опыта. Предельность этого вопроса проявлена в интуитивно ощущаемой опасности отпадения от Целого, с проекцией на все (выше рассмотренные) уровни целостности.

Усилия для спасения души и поддержание душевного равновесия невозможны без апелляции к более универсальному типу целостности, то есть духовному уровню бытия. Необходимость корректировки исследовательских парадигм применительно к данной теме не вызывает сомнений. За рамками нашего рассмотрения осталось множество вопросов. Тема разрабатывается на протяжении всей человеческой истории. Цена результата – Вечность.

Sergey L. Solovyov. Mortal sin as an ultimate moral regulative

Summary

This article is a modified printable version of the conference report on “death as creation” ultimate questions. The author attempts to consider the concept of mortal sin beyond a theological context and substantiate the importance of this concept in the modern frames of moral reference.

Keywords: mortal sin, soul, spirit, consciousness, spiritual threats.